

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТ ФИЛОСОФСКИХ ИСТОКОВ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ

Ю.Г. ОВЧИННИКОВА, П.Б. СЕЛЮГИНА

Резюме

В статье представлен обзор высказываний об идентичности в философии. Проанализированы традиции понимания идентичности как внутреннего тождества и как соответствия условиям культуры. Рассмотрено развитие этих взглядов в рамках психологического знания. Выделены дихотомические характеристики «внутренняя сущность — согласованность с социальными ценностями», «единство постоянства и изменчивости», «проблема целостности и адаптации», которые отражают сущность идентичности. Рассмотрены особенности развития идентичности в первой и второй половине жизни.

Ключевые слова: личностная идентичность, целостность, тождество, процессуальность, психосоциальный аспект.

Проблема идентичности занимает важное место в современных исследованиях и психотерапевтических дискуссиях. Однако большинство академических трудов посвящено проблемам социальной, этнической идентичности и становлению личностной в юношеском возрасте. Развитие идентичности в зрелости по-прежнему остается мало изученным. В данной работе представлен обзор развития взглядов на проблему идентичности в философии и психологии. Именно философские концепции задают модусы рассмотрения сущности данного феномена,

закладывают противоположные полюса. Полученные в ходе теоретического экскурса выводы проясняют основные вехи в динамике идентичности в зрелом возрасте.

Согласно философскому подходу, идентичность (или сходство) состоит в том, что делает объект определенным и распознаваемым с точки зрения обладания рядом качеств или особенностей, которые отличают этот объект от объектов различного типа (Абушенко, 2003).

Ф. Brentano представлял идентичность как «соответствие, мыслимое в совершенстве» (цит. по: там

же). С точки зрения логики, идентичность неразрывно связана с понятием тождества и предполагает не только операции абстракции отождествления, но и абстракции неразличимости. Следовательно, понятие тождества можно интерпретировать как неотличимость объектов друг от друга по ряду (или совокупности) свойств.

Связь понятий идентичности и тождества прослеживается еще со времен античной философии. В аристотелевской традиции понятие тождества наделяется большим фундаментальным значением, нежели понятие различия. В Новое время Р. Декарт проинтерпретировал это соображение как субстанциальность *cogito* (там же). Позже эта идея нашла свое развитие в трансцендентализме, в особенности в «философии тождества» Ф. Шеллинга (Кузнецов, 1989). Ф. Шеллинг трактует идентичность как тождественность, а точнее, самоидентичность, структур «чистого» мышления, идеального Я. Идентичность в этом случае представляется как данность, она очевидна для познающего субъекта. Таким образом, для этого направления философии идентичность осталась «непроблемной» сферой. Актуализация этого вопроса как раз и потребовала пересмотра «доминанты тождества», характерной для классической философии. Х. Ортега-и-Гассет комментирует этот момент, подчеркивая, что немецкая трансцендентально-критическая философия представляла активность духа как фиксированную «неподвижность» (Ортега-и-Гассет, 1991). Идеи в классической философии трактуются как телесные реальности, а сами эти реальности — как идентичности.

В неклассической философии проблематика идентичности представлена в трудах М. Хайдеггера (Абушенко, 2003). Идентичность в его философии трактуется как всеобщность бытия. Всякое сущее, в представлении М. Хайдеггера, тождественно самому себе. Одновременно всякое сущее тождественно всякому другому сущему. Этот подход исключает не только различие как иное бытие, но и изменение. Схожие идеи в понимании идентичности можно найти у Э. Гуссерля. В его представлении, через трансцендентальную редукцию можно перейти к самоидентичному («чистому») сознанию как таковому (Melchert, 2006).

В психологической традиции эти положения были сформулированы в представлении идентичности как внутренней сущности, ядра личности, тесно связанного с ценностно-смысловой системой (Франкл, 1990; Юнг, 1994). Стремление к обретению идентичности отражает стремление к целостности, интеграции противоположностей.

Существует также другая трактовка идентичности в классической философии, принадлежащая Иоанну Дунсу Скоту (Апполонов, 2011). В его теории каждый объект представляет собой общую природу и ограничивающую ее «этовость» (*haecceitas*), определяющую индивидуальность объекта, его качественное своеобразие. Впоследствии концепция была дополнена понятием «чтойности» М. Шелера и понималась как раскрытие самости в ее соотносительности с Другим.

Ю. Хабермас связывает эту линию трактовки идентичности с

именем Г. Лейбница, который, по его мнению, впервые показал, что «каждая самопрезентирующаяся субъективность сосредоточена на самой себе и представляет мир как целое своим собственным уникальным способом» (Хабермас, 1992, с. 44). В дальнейшем становление представлений о проблеме связано с анализом соотношенности Я и не-Я у И. Фихте и идеями ответственности и внутреннего выбора С. Кьеркегора. Отметим, что именно этим идеям обязано сосредоточение внимания подлинности бытия в контексте проблематики идентичности. К тем же результатам, хотя и иным путем, приводит традиция Дж. Локка, связавшая понятие «идентичности» с понятием ответственности человека за совершаемые поступки на основе памяти о них (Абушенко, 2003).

Следующим шагом в разработке концепции идентичности следует считать тезис Д. Юма о конституировании идентичности не из самости человека, а «извне», т.е. из общества. В такой трактовке идентичность поддерживается за счет имени, репутации, славы через имя, репутацию, славу и т.д., поскольку в представлениях Д. Юма Я — это всего лишь «пучок восприятий» и не более того. Фактически в это время впервые были выдвинуты тезисы о формировании идентичности в пространстве культуры и общества. Человек в этой традиции находит себя через внешнее, вне себя самого, в свой деятельности и в этом отношении «создает себя» (Melchert, 2006).

Данная философская линия отразилась в психосоциальном понимании личностной идентичности, со-

гласно которому идентичность — это не столько внутренняя целостность, сколько результат согласования, баланса между потенциальной целостностью, личностными смыслами и ценностями общества, представленными в том числе и в признании значимыми Других.

Наиболее ярко данную позицию обозначил Э. Эриксон, определив идентичность как «осознание того, что синтезирование Эго обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью и что стиль идентичности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое представляется значимым другим в непосредственном окружении» (Эриксон, 1996, с. 59). Автор раскрывает психосоциальную сущность, выделяя четыре аспекта: сознательное чувство индивидуальной идентичности, бессознательную борьбу за непрерывность личностного характера, критерий эго синтеза, поддержание внутренней солидарности с идеалами и идентичностью группы.

В аналитической традиции сходное содержание отражено в понимании Персоны (Стайн, 2007). Э. Эриксон интересовался идеями К.Г. Юнга и развил его представления об отношениях Эго — Персона.

В отечественной литературе данная точка зрения поддержана, например, Е.Т. Соколовой, которая определяет самоидентичность как «устойчиво переживаемую тождественность Я во времени и пространстве; она предполагает аутентичность самовосприятия, высокий уровень интеграции частных динамических и противоречивых образов Я в единую связанную систему, благодаря чему

оформляется и сохраняется устойчивым, обобщенным и целостным индивидуально-личностное самоопределение, поддерживаемое и разделяемое общностью значимых других» (Соколова и др., 2001, с. 4).

Возникает вопрос: является ли данная двойственность следствием непримиримых позиций, этапом в развитии научной мысли или она отражает сам процесс развития идентичности в течение жизни человека?

Предположение о непримиримости позиций кажется маловероятным, так как уже диалогическая философия достаточно адекватно воплотила этот круг идей. М.М. Бахтин, в частности, сформулировал идею венаходимости человека, согласно которой подлинное Я всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с Другим. Таким образом, две линии, противостоявшие в классической философии дискурсу тождества в понимании идентичности, совпали в XX в. в постклассической перспективе (Melchert, 2006). Понятие целостности вошло в пространство Диалога.

Психологические исследования поддерживают данную точку зрения. Так, социальная взаимозависимость рассматривается как условие здоровой идентичности (Олпорт, 2002), утверждается необходимость социального признания и объединения с окружающим миром и людьми (Фромм, 1990), отмечается роль значимого Другого в формировании идентичности (Мелибруда, 1986; Скрипкина, 2000). Данные представления позволяют нам говорить, что противоположности *«внутренняя сущность — согласованность с соци-*

альными ценностями» обрели жизнь в едином пространстве.

В постструктуралистско-герменевтической традиции дискуссии об идентичности стали средством переоценки и даже преодоления наследия классической и частично неклассической философии (Melchert, 2006). Так, идентификация здесь трактуется как практики означивания и самообозначения индивидуальности, где эта индивидуальность конституирует человека как Я в его отличности от «тела» и «личности» через ограничение выбора из многообразия (множественности) возможного. Таким образом, идентичность становится не фиксируемой реальностью, а некой длящейся «проблемой». Целостность человека оказывается не данной ему при жизни самому себе. Авторство собственной личности спорно, так как «законченность» целостности человека, с одной стороны, ограничивается рождением и смертью (и здесь идет речь о представленности «телом»), а с другой, эта целостность может быть реализована только в пространстве диалога.

Данная мысль стала основой психологических представлений об идентичности, согласно которым она динамична, претерпевает изменения, которые носят как эволюционный, так и революционный, кризисный характер. Подчеркивается процессуальность идентичности (Бьюдженталь, 1998; Эриксон, 1996). Еще У. Джеймс выделил в качестве базовых характеристик идентичности континуальность, созидательное начало и непрерывность при постоянной изменчивости (Джеймс, 1991).

Таким образом, в самой сущности идентичности заложена вторая пара противоположностей, это *единство постоянства и изменчивости*. С одной стороны, личностная идентичность обеспечивает непрерывность восприятия себя, с другой стороны, необходимо признать наличие динамики, постоянной корректировки, включение новых элементов, выключение старых с последующим новым синтезом.

У. Джеймс, анализируя новое состояние души, обретенное после разрешения религиозного кризиса, обнаружил, что при общей прочности и постоянстве отдельные чувства внутри состояния могут быть изменчивы (там же). К.Н. Поливанова отмечает: «Человек, сформировавший идентичность, оказывается самотождественным, он остается самим собой независимо от ситуации действия, но он одновременно и адекватен ситуации, не теряя при этом своего лица» (Поливанова, 2000, с. 80). На этом основании выявляется третья пара – *проблема целостности и адаптации*, это было подготовлено философской традицией, но сформулировано в рамках психологического знания, в первую очередь, в эго-психологии и аналитической психологии.

Развитие представлений об идентичности в эго-психологии основывается на трудах Х. Хартманна. Он предложил различать Эго – психическую подструктуру, функциями которой являются саморегуляции и адаптации к окружению, и Я (self) – совокупность психических представлений личности о себе. Таким образом, мы говорим об Эго в рамках приспособления индивида к реаль-

ности, а Я в контексте непосредственного переживания личностью собственной целостности (Хартманн, 2002).

Однако классиком в разработке проблемы эго-идентичности является Эрик Эриксон, который определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности (Эриксон, 1996). Таким образом, ключевыми моментами идентичности являются константность самовосприятия, единство временной перспективы, а также совпадение саморепрезентаций с восприятием личности другими людьми.

Э. Эриксон описывает эго-идентичность как трехуровневую структуру, где временная протяженность является атрибутом индивидуального уровня, личностный уровень сопровождается ощущением собственной уникальности, а на социальном уровне личность принимает социальные, групповые идеалы и стандарты (Эриксон, 2000). Операционализацию понятия идентичности осуществил Дж. Марсиа, предложив статусную модель идентичности. Таким образом, в определении и обозначении трех уровней (Эриксон) и четырех статусов (Марсиа) предполагается, что идентичность отражает внутреннюю целостность (уникальность) и является способом адаптации к обществу (принятие социальных идеалов) (Марсиа, 1993).

Дж. Мид усилил акцент на адаптивной роли идентичности, введя аспект «Me» и разделение на осознаваемую и неосознаваемую идентичность. Последняя основывается на принятых неосознанно нормах, заключающихся в требованиях социальной группы, к которой принадлежит

данная личность. Вопрос соотношения внешних и внутренних детерминанционных сил решается Дж. Мидом путем введения двух аспектов идентичности: «I», определяющего человека как индивидуальность, как реагирующего на социальную ситуацию сообразно своим особенностям, и «Me», определяющего человека как подчиняющегося социальным требованиям и моделям реагирования (Мид, 1998).

В дальнейшем идея о различных типах идентичности была развита И. Гоффманом, который выделил три вида идентичности: социальную, личную и Я-идентичность (Goffman, 1963). Р. Фогельсон предложил различать четыре вида идентичности: реальную (самоотчет индивида), позитивную (идеальную), негативную и предъявляемую идентичность (трансляция образа другим). Различные виды идентичности состоят в определенных отношениях друг с другом (см.: Антонова, 1996). У обоих авторов четко прослеживается идея об идентичности как о посреднике между уникальностью человека и группой или обществом в целом.

Ряд идей интеракционистов о природе идентичности был перенят представителями когнитивной психологии. Так, идея о двух аспектах идентичности — ориентация на социум и на уникальность личности — воплотилась в теории социальной идентичности Х. Теджфела и Дж. Тернера. По мнению исследователей, идентичность — это когнитивная система, функция которой состоит в регуляции поведения сообразно внешним условиям. Эта система, в свою очередь, включает подсистемы личностной и социальной иден-

тичности. Под личностной идентичностью понимается самоопределение на основе физических, интеллектуальных, нравственных характеристик, тогда как социальная идентичность определяется конкретными идентификациями на основе социальных категорий (см.: там же). В данных работах учет внешних условий представлен в максимально ясной форме.

Экзистенциально-гуманистическая традиция возвращает нас к взгляду на идентичность как на внутреннюю сущность и ощущение своего Я, своей целостности. Дж. Бьюдженталь различает подлинную, процессуальную, изменчивую и внешнюю, приобретенную извне, ригидную идентичность. Идентичность для него — это процесс постоянного ощущения своего Я, а также принятие себя как данности (Бьюдженталь, 1998).

Интересное развитие данные идеи получили в современной аналитической психологии (Стайн, 2007; Kast, 1991). Аналитики развивают представление К.Г. Юнга, согласно которому личностная идентичность развивается от адаптации в первой половине жизни к целостности во второй половине жизни. Адаптация к окружающим условиям и общественным нормам, направленность на социальные достижения, изменчивость ролей и идентификаций укрепляют силу Я. В дальнейшем этот процесс позволяет перейти к осознанию и принятию тех аспектов Я, которые ранее вызвали тревогу и вытеснялись, а также реализовать личностные смыслы, идущие вразрез с общепринятыми ценностями.

Однако исследования в рамках юнгианской психологии в основном

посвящены проблемам развития идентичности в среднем возрасте и во второй половине жизни. Более развернутое представление о динамике идентичности до 35–40 лет дают психоаналитически ориентированные авторы, кляйнианцы и эгопсихологи. Так, М. Малер указывает на тот факт, что у истоков формирования личностной идентичности мы обнаруживаем процесс выхода из целостности (представленной в форме слияния с матерью). Младенец в своем развитии движется от симбиотической фазы к фазе сепарации-индивидуации. Это длительный процесс, происходящий поэтапно и включающий формирование стабильных внутренних репрезентаций, дифференциацию Я, а после сравнение и различение этих репрезентаций (Малер, Мак-Девитт, 2005).

В рамках эго-психологии (Дж. Марсиа, Х. Хартманн, Э. Эриксона) рассматривается собственно формирование идентичности в юношеском возрасте, поскольку оно основано на определении ролей и вписывании себя в окружающий мир. Молодые люди должны заявить свое Я, определить центр сознания и завершить сепарацию, найти свою социальную нишу (Марсиа, 1993). Многие цели имеют социально значимый характер. Доминирует вера в постоянный прогресс. Этот оптимистичный миф часто превращается в персональный план достижения успеха. Таким образом, идентичность в юношеском возрасте больше отвечает задачам адаптации (Хартманн, 2002; Эриксон, 1996). Целостность представлена открытием идеи собственной самоидентичности. Интеграция и структурирование ролей означают,

что больший вес имеет согласованность личностных и социальных норм и ценностей.

Мало исследованным остается период первой зрелости. Современные юнгианцы говорят об отделении от прежней героической идентификации юности, разотождествлении с психосоциальным аспектом и подготовке к трансформации личности в середине жизни (Стайн, 2007; Kast, 1991).

Иной акцент делают эго-психологи, подчеркивая значимость продуктивности, заботы об обществе и следующем поколении. По мнению Э. Эриксона, состояние поглощенности собой и личными потребностями представляет негативный полюс (Эриксон, 1996). Следует особо отметить, что период первой зрелости как таковой не выделяется, Э. Эриксон говорит о зрелости в целом, подразумевая огромный этап жизни от 26 до 64 лет. Безусловно, перед психологией стоит задача дифференцировать отдельные этапы зрелого возраста и выявить их закономерности.

Таким образом, мы видим две противоположные тенденции: начало разотождествления с психосоциальным аспектом (юнгианская психология) и его развитие. Попробуем примирить эти позиции. Внутреннюю задачу первой зрелости можно сформулировать как необходимость осознать свои ограничения и возможности, разотождествить свое Я и атрибуты. Адаптация удерживается в фокусе внимания, однако она осознанно и на бессознательном уровне соотносится с целостностью, человек совершает выборы, видя оба полюса.

Большое внимание исследователей привлекает развитие идентичности в

середине жизни (40 лет), так как в это время психика по-прежнему очень подвижна и активна. Данный период сравнивают с подростковым возрастом: человек переживает подвешенность собственной идентичности, неопределенность, что позволяет пересекать внутренние границы и запретные рубежи (Стайн, 2007). В то же время возникает вопрос об ограничениях, которые задают возраст и предыдущие жизненные выборы. Человек обнаруживает себя между мечтами и реальностью и оказывается перед задачей «рокового десятилетия» — отделить прежнюю идентичность, ориентированную на социальные нормы (Kast, 1991).

Представители различных психологических школ сходятся во мнении, что решение данной задачи связано не с ростом или установлением чего-либо, а с вопросом о смысле (Франкл, 1990). Смысл открывается в развитии тех сторон себя, которые раньше были скрыты, находились в подчиненном положении или носили только потенциальный характер (Юнг, 1994). Таким образом, вторая половина жизни знаменуется поворотом от адаптации к целостности.

Проведенный обзор концепций идентичности в философии и развития философских идей в рамках психологического знания позволил выделить дихотомические характеристики, раскрывающие сущность личностной идентичности. На наш взгляд, данные пары «внутренняя сущность — согласованность с социальными ценностями», «единство постоянства и изменчивости», «проблема целостности и адаптации» не только отражают сложный, а порой конфликтный характер идентичности, но и задают направление ее развития.

Данный взгляд на проблему идентичности формирует иное представление о развитии личности. Согласно культурно-исторической традиции, развитие личности осуществляется через кризисы, т.е. через разрушение прежней структуры и появление новообразований. Однако понимание идентичности как структуры, содержащей в себе противоположности, которые не исключают друг друга, а находятся в отношениях взаимодополнения, позволяет говорить о развитии личности как о процессе трансформации.

Литература

Абушенко В.Л. Идентичность [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Мн.: Книжный Дом, 2003. Режим доступа: <http://opredelenie1.ru/noveyshiy-filosofskiy-slovar/i/identity/>

Автонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракциониз-

ма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.

Аполонов А.В. Иоанн Дунс Скот и его философская теология [Электронный ресурс] // Блаженный Иоанн Дунс Скотт. Трактат о первоначале. М.: Красанд, 2011. Режим доступа: http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/intro/

Бьюдженталь Дж. Наука быть живым. М.: Класс, 1998.

Джеймс У. Психология / Под ред. Л.А. Петровской. М., 1991.

Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. шк., 1989. С. 160–185.

Малер М., Мак-Девитт Дж.Б. Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 2. Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/par.php?id=20050209>

Мелибруда Е. Я — Ты — Мы. М.: Прогресс, 1986.

Мид Дж. Сознание, самость и общество // Социология: Классические и современные парадигмы: Хрестоматия / Сост. С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканян. М., 1998.

Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Искусство, 1991.

Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000.

Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Академия, 2000.

Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф. К обоснованию клинико-пси-

хологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3–17.

Стайн М. Трансформация. Проявление самости. М.: Когито-Центр, 2007.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Искусство любви. М.: Педагогика, 1990.

Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 44.

Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации. Институт общегуманитарных исследований, 2002.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: Airland, 1994.

Goffman E. Stigma: Notes of management of spoiled identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963.

Kast V. Sisyphus. A Jungian approach to midlife crisis. Daimon Verlag, 1991.

Marcia J. Ego identity: a handbook for psychological research. N.Y.: Springer-Verlag Inc., 1993.

Melchert N. The great conversation: A historical introduction to philosophy. Oxford University Press, 2006.

Овчинникова Юлия Германовна, доцент факультета психологии НИУ ВШЭ, юнгианский аналитик, кандидат психологических наук

Контакты: jovchinnikova@hse.ru

Селюгина Полина Борисовна, аспирант факультета психологии НИУ ВШЭ

Контакты: froide@mail.ru